

Оксана Глазнева

БЕЗМОЛВНЫЕ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Г52

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Г52 Глазнева, Оксана
Безмолвные / Оксана Глазнева. — М. : «Снежный Ком М»,
2019. — 272 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-6042584-3-9

Яблоневоый край — нерадостное место. Восемьсот лет назад маги подлостью изгнали из мира богов и уничтожили смертных правителей. Отныне власть принадлежит только им. Остальные в этом мире — лишь безмолвные тени.

И главные герои романа — такие. Монахиня, изгнанная из монастыря. Воин, который не смог уберечь короля. Маг, лишившийся дара магии. Что они могут сделать против всемогущих чародеев?

Но безмолвные — не означает бессильные!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-3-9

© Глазнева О., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Олин М., 2019

*Безмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.
Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добиты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.
И слезы — не отчаянье!
И стон — не символ мщенья!
О благостное чаянье
Всемирного прощенья!
Валерий Брюсов*

Часть I

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Николай Гумилев

Кай

Он пришел в себя от неприятного ощущения: сверху сыпалась земля. Кай поднял руки, прикрывая лицо, — это и спасло его. Существо, упавшее на грудь, метило в шею, но сомкнуло зубы на наруче. Заскрежетали клыки о металл, когти вцепились в плечи, порвали рубаху, вонзились в тело.

Стояла непроглядная тьма, полная звуков и запахов. Трещала древесина, сыпалась земля, звенел металл, стонали люди.

После сна собственное тело казалось чужим, неповоротливым и тяжелым. Кай свободной рукой попробовал оттолкнуть от себя нападавшего, но сил не хватило, попробовал подняться, но не смог. Тогда он зарычал и, извернувшись, достал зубами до лапы, вгрызся в нее изо всех сил. Тварь взвыла, ослабила хватку, и ему удалось сбросить ее с себя. Кай перекатился в сторону, но там внезапно оказалась пустота, и он пролетел не меньше сажени, прежде чем упал на пол. В плече что-то хрустнуло.

Он стиснул зубы и с трудом сел, прислонившись спиной к возвышению.

Во рту стоял мерзкий вкус крови. Кислая и горячая, она обожгла язык, и от этого темнота вокруг вдруг стала светлеть.

Он находился в большом зале, вырубленном внутри горы. В полумраке темнели стены, каменные колонны и высокий свод, прошитый черными дырами нор. Вокруг рядами стояли высокие каменные ложа.

На всех лежали воины в доспехах. Мертвые? Спящие?

Твари, прорывшие норы, падали прямо с потолка, в полете переворачивались, приземлялись на лапы и тут же бросались на людей. Зубами и когтями рвали на куски в необъяснимой потребности убить. Спящие не вставали. Вздрагивали во сне, слабо шевелились, но проснуться не успевали. Кай узнал тварей — гули. Жилистые, с круглыми свиными глазами, длинной волчьей челюстью и темной липкой кожей. Пожиратели трупов. Что их могло настолько взбесить, вселить такую храбрость? Беспомощность спящих?

Телу возвращалась чувствительность и сила, проходило онемение. У каменного ложа, с которого он упал, валялись меч и щит. Кай поднял их, расправил плечи и приготовился защищаться.

На взрослого мужчину с мечом в руках гули не должны напасть. Падальщики обладали достаточным разумом, чтобы оценить опасность... но сегодня, похоже, сошли с ума.

Первому он снес голову. Вторая тварь вцепилась зубами в руку. Золотой наруч смялся окончательно. Кай ударил

тварь головой о постамент — брызнула кровь и мозги — и стяхнул с себя безжизненное тело.

Другие гули тоже заметили его. Они поднимали головы, оборачивались к человеку, отсвечивая желтыми глазами, и молча бросались к нему через весь зал.

Кай не раздумывал. Рубил, колол, бил, швырял об пол. Шаг вперед, в сторону, обернуться, ударить, поймать противника клинком, выдернуть меч, шаг назад, шаг вперед..

Он настолько сосредоточился на пяди земли перед собой, что не сразу понял, — бой окончен. Шла минута, вторая.. Люди вокруг больше не стонали. Сыпалась земля, капала вода, а он стоял посреди зала, ставшего могилой. Все еще живой.

Кай опустил руки. Тело дрожало от напряжения, и понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

Не выпуская меча, он обошел усыпальницу в поисках выживших. Напрасно. Безмозглые гули, словно их направляла неведомая сила, действовали слажено и наверняка.

Темнота вокруг вновь сгустилась. Пришлось поднимать с земли вонючий труп гуля и снова глотать кислую кровь, чтобы вернуть зрение. Наконец он смог осмотреться.

Его наручи и правда были из золота. Они совсем погнулись в битве, и Кай снял бесполезные побрякушки. Кольчуга оказалась железной, позолота давно облетела, а пятна ржавчины изъели металл до дыр. Кай снял и кольчугу, морщась от боли в плече. На мертвецах тоже было золото. Шлемы и бармицы, щиты и поножи, мечи и ножны — все блестело драгоценным металлом. Так не на бой собирают, а хоронят. Гули не ошиблись дорогой. Но почему в подземной гробнице лежали спящие, а не мертвые?

Посреди зала когда-то обвалилась часть свода. Светлели между камней белые кости, кольчуги, мечи и корона.. Корона? Узкая, золотая, с острыми зубьями, без самоцветов, но с выбитыми по краю незнакомыми письменами. Если среди них король, почему никто не охранял его сон? Или охраняли? Они? Он сам? В голове было пусто и темно, как в сухом колодце.

Кай.

Имя? Его? Он помнил названия предметов, понимал, где находится, но как очутился здесь? Кто он? Откуда? Кай пытался найти в памяти хоть что-то. Напрасно. Ни имен, ни лиц, ни мест.

Он тряхнул головой: нет времени тревожиться о прошлом, нужно выбираться!

Кай подошел к двери. Большая, окованная серебром, она сместилась в сторону, петли вросли в горную породу, двенадцать железных замков заржавели. Кай попробовал сбить их мечом, но потратил силы впустую.

Тогда он посмотрел на потолок.

Гули прорыли в скальной породе узкие кротовьи ходы. Кай выбрал тот, что примыкал к стене. Снял сапоги. С тяжелым сердцем оставил меч.

Он нашел в пещере два ножа и стал взбираться по стене, вонзая лезвия в расщелины между камнями. Получилось не сразу. Кай дважды срывался, сломал один нож, но со вторым смог добраться до лаза. Внутри отверстия он уперся коленями и плечами в стены и полез вверх. Узкий ход, покрытый изнутри слизью, вонял псиной. Гуля кровь больше не спасала от темноты. Плотная, тягучая, она стала почти осязаемой, заполняла уши и рот, выдавливала воздух из легких.

— Твою мать! — выругался Кай.

Больше не существовало направлений. Ему казалось, что он висит вверх ногами и вот-вот упадет обратно в ненавистную пещеру. Казалось, вот-вот наткнется на нового гуля или что-то схватит его за ноги и утащит вниз. Кай начал задыхаться.

— Твою мать! — снова выругался он и пополз дальше.

Становилось все холоднее, почва твердела, слизь на стенах стала застывать, превратилась в корку острого льда. Но до самого конца ему казалось, что он вывалится обратно в склеп. Затем Кай почувствовал холодный сквозняк. Еще несколько рывков, и голова оказалась на поверхности — лаз закончился. Он выбрался наружу.

Кай находился на склоне горы. Было тихо, безветренно и очень холодно. Внизу раскинулась степь. Слева она упиралась в пятнистую шкуру заледенелого моря, справа — в узкую ленту реки и хвойный лес на другом берегу. У самого леса кто-то развел несколько костров. Свет пламени ясно выделял очертания пришвартованного корабля.

Кай утолил жажду снегом, вытер окровавленные руки, перехватил удобнее нож и прикинул расстояние. Далеко. Две версты вниз по склону и потом через степь... Жаль было потерянных сапог и меча, да ничего не поделаешь. Он снял рубаху, разорвал пополам и обмотал ступни. Вдохнул, выдохнул и побежал вниз.

Ноги проваливались в снег, натыкались на острые камни. Затем горный склон закончился и началась заснеженная равнина. Ткань со ступней слетела, пришлось перейти на шаг. Холод быстро заставил забыть о боли.

Кай чувствовал, что промерзает насквозь, что замедляет бег кровь, пот превращается в ледяную корку и покрываются инеем волосы. Морозный воздух раздирает горло, добрался до легких, и Кай закашлялся. Остановился. Перевел дыхание и продолжил идти вперед — у него не было выбора.

Очень быстро он перестал ощущать ступни ног, мог лишь заставлять себя поднимать и опускать поочередно два тяжелых бревна, что заменили их. Несколько раз падал, и снег уже не таял на его оледеневших руках. Кай поднимался, шурился, определяя направление, и шел дальше. Он потерял счет времени и шагам и, когда поднял взгляд и понял, что стоит на берегу, — удивился.

Костер, что он увидел издали, оказался не костром — это горел поселок.

Несколько домов пылали прямо посреди леса, близко подходящего к реке. Пламя с крыш перекидывалось на сосны, вспыхивало новыми очагами, жадно трещало, но люди не обращали внимания. Шла погрузка на корабль. Два десятка пленников сковали по рукам и ногам кандалами и плетью загоняли на трап.

Кай не знал, что ему делать. Броситься на помощь? Сбежать?

Кто-то лохматый и тяжелый прыгнул на него, повалил. Они покатались по снегу. К счастью напавшего, пальцы Кая настолько ослабели от холода, что он выронил нож.

— Уймись, дурак! Свои! — зло прошипели ему на ухо.

Кай поднялся на четвереньки, стер снег с лица. Перед ним был не зверь, а человек в белой волчьей шубе.

— Из поселка сбежал? — тихо спросил мужчина. — Ползи за мной. Нужно убираться отсюда.

Но Кай не мог ползти. Новый глоток воздуха прошел ножом по гортани. Он начал кашлять. В груди, в легких, не давая перевести дух, прорастал чертополох.

Бородач зажал ему рот ладонью, попробовал оттащить в сторону, но их уже заметили. С корабля пронзительно свистнули, и с противоположного берега, прямо по льду, к ним спешили десять воинов с кривыми саблями. Река в этом месте была узкой, лед плотно сковал воду. Охотникам за головами понадобились считанные минуты. Бородач выругался, оттолкнул от себя Кая и поднялся во весь рост, выхватывая из-за спины топор.

— Уходите, братцы! — крикнул он.

Но они не ушли. Из снега за его спиной поднялись четверо мужчин в одинаковых белых шубах. У двоих были охотничьи луки. Они прицелились, спустили тетиву, и еще раз...

Стрелы попали в цель, но не пробили пластинчатой брони корабельных. Битва вышла короткой. Охотники за невольниками потеряли троих, но взяли количеством, навалились, обезоружили. Бородач и лучники остались лежать в снегу, Кая и двоих уцелевших скрутили и потащили на корабль.

Одномачтовый когг с опущенными парусами стоял вплотную к берегу. Нос судна вмерз в лед. Пленников затащили на палубу. Друзей бородач сразу бросили в трюм, а вот Кая оставили. Полуголый человек посреди снежной степи вызывал вопросы.

Его подвели к мостику. У штурвала стоял крупный бородатый мужчина в плаще на меху — капитан. Рядом с ним сутулился от холода невысокий нервный человек. Сначала Кай принял его за подростка, но, всмотревшись, понял, что человек просто гладко выбрит.

— Капитан, вы уверены, что он нам нужен? — спросил конвойный.

— Сильнейшее обморожение. Помрет, — подтвердил нервный.

Выговор выдавал в нем южанина: слова звучали так, будто он набил рот камнями.

— Я потерял несколько человек. На счету каждая монета, чтобы новых взять, — ответил капитан. — Делай, что должен, Стефан. Это ты у нас лекарь.

— Тогда в лечебницу, — распорядился тот.

Двое охранников подхватили Кая под руки и толкнули в трюм. Внизу стоял влажный холод. Узкий коридор уходил в темноту. Идти можно было лишь друг за другом. Охранник за его спиной достал саблю и ткнул острием в затылок:

— Будешь дурить — убью.

Но Кай не собирался сопротивляться. В груди пылали угли, куда уж тут бунтовать.

Под корабельную лечебницу отдали одну из двух кают. В небольшом помещении стояли две грубо сколоченные кровати, стол, табурет и шкаф. Рядом с кроватями в пол были вбиты толстые железные кольца. Каю сковали ноги и руки, цепь закрепили в одном из них.

Лекарь Стефан Бремер вошел в каюту, проверил, крепки ли цепи и кандалы, затем отпустил охранников и стал осматривать пленника.

— Кто ты? — спросил он, осматривая его руки и ноги.

— Я не помню. Пришел в себя в горах. Увидел костер у реки. Пошел к нему.

Бремер бросил на пленника короткий оценивающий взгляд. Не поверил. Приказал раздеться донага и снова осмотрел.

Маги клеймят своих людей. Это единственный способ обеспечить полное подчинение. Когда господин чародей умирает и клеймо сглаживается, на его месте появляется темное пятно. Иногда, чтобы сбежать от мага, люди сами срезали тавро с тела, но тогда оставались шрамы.

На теле незнакомца ни мажьих пятен, ни старых шрамов, ни даже родинок Стефан не нашел.

Он побарабанил пальцами по столу, помедлил, раздумывая. Наконец поднялся и вышел из каюты.

Капитана на месте не оказалось. Стефан расположился на диване и приготовился ждать.

Тихо стучали стрелки часов. На столе под стеклянным абажуром лежал горяч-камень, тускло освещая каюту алым светом. Сейчас команда на палубе заканчивает такелажные работы, рубит лед вокруг бортов — готовится к взлету.

Они охотились на севере уже больше недели. Стефан успел промерзнуть до мозга костей. Он родился на побережье, и каждый раз холод выводил его из равновесия. Ему не хотелось двигаться, не хотелось есть, не хотелось пить и было страшно засыпать. Раз за разом снилось, что корабль замерз и они все лежат скованные вечным сном. К счастью, путешествие завершилось. В трюме около тридцати мужчин и двадцать женщин, которых можно продать на рынке Зут-Шора, а значит, скоро они вернуться на юг. Вот только Бремеру очень не нравился новый пленник.

На стене напротив висела карта Яблоневого Края вся в чернильных пометках. Здесь отмечали места предполагаемых стоянок беглецов; русла рек, пруды и озера, где может опуститься корабль; красные точки — запрещенные северные города.

Стефан до хруста заломил пальцы и задумался.

Новый пленник бесспорно северянин: белая кожа, черные волосы, светлые глаза, и меток нет никаких. Стоит ли с ним связываться?

Яблоневый Край давно подчинен магам. Он разделен на тысячи маноров уже восемьсот лет. В срединной части континента не осталось городов — лишь усадьбы господ магов

и деревеньки людей. На юге города существуют только за счет невольничьих рынков. А что позволяет существовать городам севера?

Говорят, что там живут настолько сильные маги, что чародеи континента боятся даже взглянуть в их сторону, что северяне научились воспламенять камни, что города охраняют ледяные драконы... Стефан слухам не верил. Если такие могучие, почему не нападают? Но что-то там все же неладно. Смелчаки, решавшие испытать судьбу, назад не возвращались.

В коридоре послышались быстрые шаги, открылась дверь, и вошел капитан. Он прошел по каюте к письменному столу, по пути сбрасывая шубу, тяжело опустился в кресло.

— Ну и что там?

— Обморожение. Того и гляди, антонов огонь начнется. Воспаление в груди.

— Выживет?

— Без магии — нет.

— Хорошо. Лечи магией.

— А нужно ли? У нас снадобья на исходе, лучше припасти команде, а этот все равно не жилец — без шубы и сапог по степи бродил. Говорит, память отшибло.

Капитан раздраженно поморщился.

Люди — ценный товар. В каждом маноре сидит маг, у которого есть наложницы, слуги, слуги наложниц, именная стража, граничная стража, музыканты, танцовщицы, мастера, оружейники и ткачи, кузнецы и плотники. Всех нужно прокормить, вырастить пшеницы с избытком, чтобы господин мог торговать с соседями, обеспечить охрану границ. Маги вечно воюют между собой, а гибнут люди. Невольники достаются нелегко, но дело того стоит. Тем более — молодой крепкий парень, можно продать и в стражу, и на рудник, и на поля.

— Лечи.

— У него нет клейма. Ни срезанного, ни сошедшего... Или он родился в свободном поселении и ни разу не принадлежал магу, или...

— Северянин?

Бремер кивнул. Капитан усмехнулся:

— За всю жизнь ни разу северянина не видал. Маги заперли для них горы, все знают, они через Волчью гряду не перейдут. Хватит выдумывать сказки, Стефан. Дай ему зелья. Я хочу, чтобы он выжил.

От зелья Кая неожиданно стошнило.

Магия не только не помогла, а чуть не добила его. Лекарь растерянно наблюдал, как северянин исторгает из пустого желудка снадобье и желчь.

Капитана эта история если и встревожила, то вида он не подал.

— Лечи по старинке, — упрямо распорядился он. — Если парень выкарабкается, будем думать, что делать с ним дальше.

От слабости Кай не мог стоять. Бремер уложил его на кровать. Вовремя. Корабль сильно качнуло — раз, другой, затрещал лед, выпуская добычу. Лекарь привычно устоял на ногах, придерживаясь за край кровати.

У Кая удивляться сил не осталось. Озноб перешел в судороги, он забился на кровати, и белые простыни под ним вдруг стали снегом. Кай лежал на льдине, и море вокруг — черное, молчаливое — качало его на волнах, бросая то вверх, то вниз. В груди пустил ростки черный цветок. Он вытягивал тонкие побеги, прорастал сквозь вены, раскинул тяжелые лепестки на ребрах. Кай пробовал глубоко вдохнуть, но не мог. Пробовал подняться, но невидимые руки опрокидывали его обратно на лед...

Пленник успокоился, затих на кровати, провалившись в беспамятство. Чем дальше, тем меньше он нравился лекарю. Да и непростое дело — лечить тяжелую хворь без магии.

Шесть часов прошли в заботах. Лекарь пытался вспомнить, как лечить обморожения. Решал, что важнее: сбить жар или спасти от антонова огня, что вот-вот сожжет промерзшие пальцы рук и ног. Отвар для примочек сделал из

того, что оказалось под рукой: березовая кора, ром с южных островов, полынь и ромашка.

На руках и ногах северянина вздулись пузыри с жидкостью и кровью. Жар усилился. Лекарь снял с пленника одеяло и одежду, приказал матросам принести с палубы льда и снега. Они наполнили ими деревянную бочку. Вместе с охранниками расковали северянина и опустили в ледяную воду. Тот застонал, но не очнулся.

Когда пленника вытащили из бочки. Бремер вновь положил на покрасневшие ноги и руки примочки из отвара ромашки, укрыл одеялом..

Стефан не верил, что северянин доживет до утра, но утром тот все еще дышал. Кровоточили растрескавшиеся губы, лопнули кровавые пузыри, пропитав матрас сукровицей. Лекарь дал ему бульон и настойку шалфея. К вечеру жар снова поднялся. Кисти рук и стопы посинели, налились кровью. Пришлось идти к капитану:

— Ноги и руки придется отрезать.

— И на хрен он будет нужен? — ругался капитан. — Не режь. Авось обойдется! Делай примочки!

— Антонов огонь у него, говорил же! Если не отнять конечности, всего спалит!

Капитан раздраженно жевал губы:

— Может, снова зелья?

Стефан равнодушно пожал плечами.

От зелья северянина снова тошнило. Бремер на всякий случай проверил пленника на чародейство. Пустил немного крови в чашку, бросил туда корень мандрагоры. Корень даже не дрогнул — магии в пленнике не было.

Северянину становилось плохо от чар. Его тошнило от порошка из драконьих костей, от зачарованной воды и от цветов папоротника. Рядом с ним теряли силу магические предметы. Амулет с волосами госпожи Анны, помогающий остановить кровотечения, и нож из ребер русалки. Нож тупился, кровь не сворачивалась.

Парень не прост, ох не прост! Терять загадочного больного, на которого потрачено столько сил, Бремер уже не хотел.

— Разреши резать!

— Я уже ответил. Уходи!

Впервые за годы службы на корабле Бремер попытался настоять на своем.

— Я куплю его у вас.

Капитан прищурился, хищно усмехнулся:

— Есть что-то, что я должен знать об этом парне?

— Мне давно нужен подопытный...

— Без рук и ног?

— Мне они не нужны. Сколько вы за него хотите?

— Ты не получишь его, — отчеканил капитан, глядя в глаза лекарю. — Я не люблю, когда меня держат за дурака. Мы многие годы летаем вместе, и ты впервые говоришь, что тебе нужен человек. Был бы я дураком, не стал бы капитаном! Или ты расскажешь правду и я подумаю о твоей просьбе, или забудь о нем. Выживет — продам на рынке. Сдохнет — выкину за борт.

Стефан стиснул зубы. Он отлично понимал, что если скажет правду о необычном пленнике, северянина продадут магам-алхимикам. Никто не делает ему одолжений, когда речь заходит о деньгах. Что ж. Пусть северянин не достанется никому!

Бремер промолчал.

— Как хочешь, — сквозь зубы процедил капитан.

На этом и расстались. Стефан перестал заходить к больному, от всего сердца надеясь, что тот сдохнет.

Александра

Скамьи для монахинь и стол для судей решили поставить прямо в монастырском дворе. Суд чести обычно устраивали в главном храме, перед статуями богинь, но со вчерашнего дня там стоял гроб с телом Руты, старшей сестры белого монастыря.

За прошлую неделю весеннее солнце просушило квашню под ногами, оставив холмы черного грязного снега лишь

под стенами и в клумбах. Скамьи поставили прямо у ступеней храма. Слева заняли места сестры в алом облачении, справа — сестры в белом.

Милость и Пасиа Грина — богини любви, сестры-близнецы. Их главный храм — красно-белый, с высоким куполом и большим залом со статуями богинь — не одно столетие высился на склоне горы Петры, на границе манора госпожи Милевской. Два малых храма и кельи сестер стояли поодаль. Справа от главного храма жили белые сестры, служительницы Милости, слева — алые, служительницы Пасии Грины. Богиня Милость охраняла чистую любовь, девственниц и супружескую верность. Пасиа Грина внушала страсть, берегла рожениц, дарила плодовитость. Все монахини принимали обет целомудрия. Лишь чистые телом и мыслями, свободные от колдовской скверны и мирских соблазнов могли говорить с богинями. Для тех, кто нарушал обет, устраивали суд чести, безжалостный и скорый.

Рассаживались долго. Неловко молчали. Старшая сестра Рута умерла накануне. Тело еще не успели омыть и отпеть, когда внезапно выяснилось, что ее любимая воспитанница, сестра Александра — гулящая девка, нарушившая все обеты.

Правда? Ложь? Ложь, конечно! Все знали, что сестра Леслава, наставница алых сестер, недолюбливает Александру. Оболгали! Оболгали? Да как же? Вон и парня привели на суд. Честный, хороший. В монастыре бывал часто, из деревни мед возил, молоко. Молодой, красивый, спокойный. Многие монашки на него заглядывались, но до греха и не доходило. Сестра Александра холодна, как вода в зимней реке, да тоже женщина. Кто знает, что подо льдом таятся?..

Так что? Правда? Ложь?

Судьи заняли места за дубовым столом. Во главе — сестра Леслава. По правую руку — сестра Мира, приемница Руты. Женщина не смотрела на подсудимую. Знает о чем-то, но молчит? Оболгали сестру Александру! Всем ясно! Или нет? Сестра Мира достойная женщина, мудрая, добродетельная. Неужто смолчала бы, если оболгали?

Весна. Монастырский двор залит туманом. Он ест остатки снега, оседает на волосах и лицах. В таком тумане все происходящее видится сном, недоразумением. Или нет?

Вот во двор вывели подсудимую. Александре двадцать три, высокая, статная. Идёт, расправив плечи и с достоинством глядя перед собой. Нижняя рубаша и ферязь безупречно белы. Темно-русые волосы убраны под платок, ни одной прядки не выбилось. Губы плотно сжаты, брови нахмурены, подбородок вздернут. Неужели такая позволит лишнего деревенскому парню?

Он увидел Александру, привстал с места, ища ее взгляда, но та и не думала смотреть на него, и парень тяжело опустился обратно. Врет? Или нет?

Подсудимую поставили перед судьями. Сначала заслушали сестру Катерину, которая рассказала, как неделю назад застала Александру и Ивана целующимися у ворот.

— Было? — сурово спрашивали судьи у Ивана.

— Было, — не поднимая глаз, отвечал парень.

— Провели осмотр, сестра Варвара?

Поднялась монахиня в алом. Кивнула.

— Что скажете?

— Не девица.

Зашумели, не сдержавшись, сестры обеих монастырей. Александра смотрела на воробьев, купающихся в пыли. Не понять, что у нее на уме. Смущена? Пристыжена? Напугана?

Сестра Леслава поднялась со стула, и все взгляды устремились на нее.

— Ты будешь помечена цветком и больше никогда — слышишь? — не переступишь порога монастыря. Ни нашего, ни иного.

Над двором повисло тягостное молчание. Нет страшнее участи для монахини, чем изгнание. В мире, где людям не принадлежали ни вещи, ни земля, ни их тела, храмы были островами. Не надежды, нет, — для людей не существовало надежды, — но островами, где можно позволить себе короткую передышку перед смертью. Здесь женщины могли

не бояться за честь, здесь можно было учиться читать и писать, здесь сохранились книги! Попасть в жрицы все равно какого бога — большая удача. У магов не осталось совести, но храмы они уважали. Не как святыню, но как напоминание о тех, кого они превзошли.

Когда-то в Яблонево́м Крае жило много богов. Демиурги Ина и Ян создали Край для своих детей: шести первых богов-сиблингов и для людей. Говорят, в незапамятные времена боги охотно появлялись среди людей. Из веры и из молитв на земле появились новые боги, вторые: богини любви Милость и Пасиа Грина, бог виноделия Либер и бог-обманщик Мак, бог-ветер Эол и бог торговли Плутос, богиня покровительница искусств Камена и бог жатвы Анге...

Чтобы уравновесить их власть, в помощь людям Ина и Ян подарили достойнейшим из смертных чародейскую силу. Долго жили в мире люди, маги и боги. Но вот великие демиурги покинули Яблоневый Край, ушли создавать новые миры, а их дети оказались предоставлены сами себе.

Потомки достойнейших расселились по Яблоневому Краю. Сравнимые в силе с богами, они оставались людьми. Гордыми и трусливыми, мелочными и тщеславными. Все меньше оставалось достойных, все больше появлялось сильных.

Все записи о Великом Предательстве были уничтожены чародеями. Прошло больше восьми сотен лет, и истории о нем остались лишь в сказках и песнях. Отголоски, обрывки...

Говорили, что в один день маги возомнили себя равными богам. Они сговорились между собой, а затем пришли к королям.

«Зачем вам боги, когда есть мы?» — сказали они.

«Зачем строить храмы, кормить жрецов, тратиться на обряды и приношения?» — сказали они.

«Зачем кланяться тем, в ком вы не нуждаетесь? Мы люди, как и вы! Верьте нам!» — сказали они.

И короли поверили. Они разрушили храмы, убили жрецов.

Не все согласились с их выбором. Простолюдины на континенте подняли бунт, что вошел в историю, как Медная война. Южное царство Тохе не поддавалось на уговоры. Тогда чародеи западного содружества открыли дверь в Царство Мертвых, и оно поглотило все южное полушарие. От империи Мехала, что сомневалась, остались лишь острова. Медная война закончилась полным разгромом смертных.

Боги могли опрокинуть на непокорных небеса, поднять до облаков море или заставить землю стряхнуть людей, как назойливых муравьев, но они нуждались в людях. И первые и вторые боги питались человеческими молитвами, были связаны с людьми неразрывными узами. Чародеи не нуждались ни в ком.

И сиблинги сдались. Они оставили неблагодарных смертных, скрылись в небесных чертогах. Вот только, уходя, проклинали лжецов-чародеев. Отныне каждый, в ком текла чародейская кровь, был лишен таланта.

Едва ли чародеи расстроились поначалу.

«Талант нужен слабым, чтобы превзойти сильных, — говорили они. — Нам, могучим, он ни к чему».

Да только с тех пор они не создали ни одного нового волшебного предмета, не придумали ни одного заклинания. Отныне им была неподвластна музыка и поэзия. Возводимые магией замки походили на уродливых выроdkов, а создания — на странное нагромождение знакомых форм: скорпионьи хвосты, волчьи тела, человеческие лица.

Но смертным от этого не стало легче. Чародеи утратили былое величие, но продолжали оставаться сильнейшими. Там, где не хватало таланта, они использовали людей. Смертные возводили замки, мосты и дороги; ткали gobелены, писали картины, играли музыку, ваяли статуи для садов и бальных залов, а еще кормили новых хозяев и их свиту, потому что магия меняла русла рек, но не могла из камня сделать хлеб.

Маги лишь брали.

Вчерашние союзники, короли, князья и военачальники, их жены, дети, родители, братья и сестры, все, кто решил

заступиться за подданных, кто знал, как воевать, кто обладал властью и смелостью напомнить о праве на власть, — всех истребили после ухода богов. Мир навсегда разделился на чародеев-господ и людей-невольников.

Подсудимую усадили на скамью. Принесли деревянный короб с иглами и красками. Подошли две крепкие монахини из алых сестер, сорвали с нее платок, стянули ферязь, разорвали нижнюю рубашку, грубо обнажая плечи. Александра склонила голову, волосами укрывая лицо. Сестра Катерина достала иглы. Потекла по спине холодная краска и горячая кровь. Обе красные.

Александра хотела бы ненавидеть сестру Леславу за лживый суд, но не могла. Ее истинный грех был пострашнее выдуманного.

С тех пор как маги вынудили богов покинуть Край, жрецы решили между собой, что ни один чародей не переступит порога храма. В венах Александры текла чародейская кровь.

После тяжелого обряда Посвящения мужчины-чародеи лишались возможности зачать ребенка. Женщины-чародейки не желали рожать сами, поэтому маги усыновляли детей. В Яблонево́м Крае многие чародеи прошли Посвящение и не имели потомства, но еще больше обряда не проходили и передавали чародейскую кровь детям. Посвящённые маги, пожелавшие завести семью, отнимали понравившихся детей у таких родителей или, если позволяли средства, покупали в особом питомнике господина Абремо на острове Деви. Тот находил детей с чародейской кровью и растил их, как щенков, на любой цвет и вкус.

Александра родилась в одной из юго-восточных усадеб. Она смутно помнила настоящих родителей. В двухлетнем возрасте ее доставили к господину Выговскому. Он и стал ей отцом. В воспитании дочери чародей не участвовал. Александра видела его — сказочно красивого двадцатилетнего юношу — лишь на балах, когда ее выводили для показа гостям-мага́м из соседних маноров.

Так прошло девять лет. Ей было одиннадцать. До обряда Посвящения оставался месяц, когда господин Выговский вступил в битву за владения и проиграл госпоже Милевской. Горы, замок и манор перешли к новой хозяйке.

Александра бежала с прислугой в лес. Она понимала, что лишилась опекуна и должна молчать о своем прошлом. Александра смешалась с толпой беглых слуг, дошла до ближайшей деревни, там и осталась. Ее взяли в семью, и два с половиной года казалось, что жизнь наладится. А однажды она с новым отцом и сестрой отправилась посмотреть на казнь.

Александра поморщилась от воспоминаний.

В храм богини Милости она пришла тринадцатилетней девочкой. Искала убежища от мира и от самой себя. Тогда она еще не знала, что путь в храм для нее закрыт. Когда поняла, что ее главный секрет вот-вот раскроют, отступить было поздно. Сестра Рута уже сделала разрез на ладони, уже собирала кровь в жертвенную чашу.

Говорили, что кровь чародеев боги не принимают, но в тот день что-то пошло не так. Возможно, богини были не так внимательны, как восемьсот лет назад, возможно, сестра-наставница перепутала чаши претенденток, но жертвенный огонь перед статуями богинь принял подношение. Александру взяли в монастырь.

Обман раскрылся через месяц. Сестра Рута учила послушниц готовить снадобья. Корень мандрагоры в руках Александры внезапно ожил, зашевелился. Она тут же отбросила его в сторону, но опоздала — сестра Рута все видела.

В ту же ночь сестра Рута тайно проверила новую монахиню еще раз. На священный огонь не рассчитывала, окунула в кровь Александры папоротников цвет. Сухой бутон послушно впитал магию, ожил, налился соком и алым светом. Сестра Рута схватилась за голову.

Сообщить о случившемся — значит подвергнуть сомнению выбор богинь, самоё их существование. Рута промолчала. Она приблизила к себе Александру, не сводила

взгляда, ожидала подвоха. Время шло, и вот женщина и девочка стали близки, как мать и дочь. Так прошло десять лет.

Когда и как Леслава проведала о секрете, Александра не знала. Пока жива была сестра Рута, наставница алого храма не вмешивалась. Она всячески выказывала презрение к обманщице, но молчала. А затем сестра Рута заболела. В ее груди поселился черный паук. Он рос, вытягивал под кожей новые и новые лапки, ел плоть. Не прошло и полугода, как сестры Руты не стало.

Чтобы не порочить ее память, Леслава обещала позволить Александре покинуть монастырь тихо. Солгала. Да только совесть не позволяла Александре винить ее...

И вот ветвится новыми линиями священная вязь, распускается между лопаток алый мак, перекрывает старые узоры, не щадит, стирает прежние заслуги, оставляя лишь одну правду: Александра — предательница богов.

Она с тоской рассматривала черные завитки на левом запястье и синие на правом. Первые — тринадцать лет жизни до монастыря, незначительные и вычеркнутые из жизни. Вторые — ее жизнь в послушании. Черные ягоды на тыльной стороне ладони — болезни. Синие ягоды — успехи в обучении. Вся ее жизнь записана на руках и плечах. Рождение, сиротство, приход в монастырь, послушничество, уход... Любому жрецу достаточно пяти минут, чтобы узнать все об Александре. И как ей жить дальше? С клеймом на спине, с бесполезным чародейством в крови?

Влажный мартовский ветер пролетел по двору. Вызывая озноб, охлаждая разгоряченные плечи и щеки подсудимой. Леслава встала, и за ней последовали остальные судьи. Судьи покинули двор. Ивана отвели за ворота. Смущенные, виноватые и озадаченные стали покидать двор и монахини. Сиди, горячка, показывай твердый дух стенам, прошлогоднему снегу и воробьям!

Александра закрыла глаза. Задержала дыхание, словно с дыханием можно сдержать и боль.

Сестра Катерина промокнула татуировку тканью, отвела руку в сторону, рассматривая нанесенный узор. В воздухе

стоял тяжелый запах красок. Мерзли плечи. От боли и холода тело пробирала дрожь. Сестра Катерина наложила на свежий узор чистое полотенце и отступила в сторону. Подошли сестры-охранницы. Крепкие, высокие. Александра остановила их движением руки.

— Я сама.

Переодевалась здесь же, посреди двора. Оставила на скамье окровавленное порванное облачение — его сожгут сегодня. Переоделась в льняную рубашу с чужого плеча и застиранную юбку-поневу, набросила плащ на плечи — словно кожу сменила, а с ней и судьбу.

Ей протянули котомку и в молчании вывели к воротам. Александра вышла, не прощаясь, и пошла вниз по склону, не оборачиваясь. Не много осталось у нее после этого дня, но с меньшим люди в мир приходят, да выживают. И она справится. Должна справиться.

Ри

Ри всегда знал, что лучше других.

Он родился в особом питомнике господина Абремо на прекрасном острове Деви. Красивый, здоровый и умный ребенок. Кормилицы обожали его, а слуги лелеяли. В пять лет его продали за очень большие деньги господину Гроневальду.

Приемный отец — крупнейший землевладелец срединной части материка. Сильный, самоуверенный и скучающий от собственного могущества, он решил вырастить из сына союзника и преданного слугу. Господин Гроневальд дал мальчику звучное имя и лучшее образование в Крае, а когда Адриану Гроневальду — Ри — исполнилось десять лет, провели обряд Посвящения. Затем начались годы изучения магии, и тут открылось, что Ри обладает тем, что считалось навсегда утерянным для чародеев, — талантом.

Было это замыслом богов, случайностью или боги на самом деле перестали интересоваться судьбой мира — Ри об

этом не думал. Он жадно поглощал знания, легко постигая любые виды чародейства.

Когда для других магия оставалась набором формул, списком заклинаний, совокупностью движений, жестов и правильного дыхания, слепым повторением из века в век одних и тех же слов, для Ри магия была математикой и музыкой. Он видел последовательности, чувствовал логику и умел импровизировать. В своей жажде выйти за рамки возможного он часто пугал окружающих, но никогда не боялся сам. Для него не существовало в жизни большего удовольствия, чем от познания нового, и гнался Ри лишь за этим ощущением.

Названный отец понимал, что вырастил себе не преданного союзника, а соперника. Ри чувствовал его страх и, не долго думая, напал первым.

Он отдал дань уважения опекуну, устроив зрелищный поединок. С неба разили молнии, возникали и таяли огромные фантазмагорические звери, трава под ногами превращалась в воинов, чтобы быть сожженной дыханием дракона. Ри оборачивался фениксом, взлетал под облака, ударяясь о землю, становился ледяным смерчем, вырывал из земли деревья, разбирали замок по камню... Названный отец прятался в подвале, бессильный со своим столетним могуществом против новой, непредсказуемой магии Ри. Он не годился в настоящие противники: слишком нерешительный, слишком недалекий и слишком наивный. Он погиб под обломками, так и не решившись выйти.

Следующее десятилетие Адриан Гроневальд занимался поисками новых знаний. Он отправлял шпионов по всему Краю, от дальнего юга до опасного севера, он крал, покупал, отбирал и выманивал книгу за книгой, тайну за тайной, и очень разочаровался, когда понял, что древние знания — конечны.

Затем долгие годы он занимался тем, что писал новые книги. Ри получал непередаваемое удовольствие от создания волшебных предметов и могучих заклинаний, пока не наткнулся на ограниченность собственной фантазии. Ему

нужны были новые методы, новые подходы! Тогда Ри увлекся алхимией.

Год за годом он изучал скрытые возможности камней, растений, жидкостей и смесей. А когда потерял интерес к алхимии, увлекся музыкой.

Ри скупал музыкантов по всему Краю. Чернь не знала даже обычной грамоты, вся музыка передавалась из уст в уста, из рук в руки, потому Ри пришлось самому придумывать музыкальную грамоту. С той же одержимостью, что прежде изучал магию и алхимию, он постигал музыку, не чувствуя хода времени, не замечая смены десятилетий.

Больше сотни лет Адриан Гроневальд был самым крупным землевладельцем Яблоневого Края. Чародеи, обладавшие лишь общеизвестным набором заклинаний, страхом и завистью, не могли соперничать с ним. Пожелай он того, мог бы подчинить себе весь Край, но, к счастью для соседей, Ри интересовала не власть, а знания.

Гордец из гордецов, могущественнейший из могучих, высокомернейший из высокомерных, Ри слишком долго выигрывал. Так долго, что поверил в собственную неуязвимость. Он позволил себе влюбиться.

Последних месяцев перед пленением он не помнил. И женщину, что сделала его уязвимым, тоже. Как ее звали? Тишина.

Тишина и темнота поглотили его. В каменном обличье, в бесконечном забвенье не было звуков, запахов и ощущений, лишь возможность думать. Первое время Ри не почувствовал подвоха. Быть каменным музыкантом на фасаде замка? Почему нет? После пережитого он стал любить темноту. В ней он мог ждать, пока срастутся кости, по крупцам восстанавливать рассыпанную мозаику воспоминаний, готовить план мести, ненавидеть и ждать. Десять лет? Пустяк... Вечно молодые чародеи не умирают от старости, можно отсечь голову или пронзить сердце, но их тела, сердца, легкие и печень не дают сбоя, так что впереди ждала вечность, чтобы думать и вспоминать. Он ждал. И постепенно сходил с ума.

Как все маги, Ри был искусственно красив. Черты лица, цвет волос и глаз, линии тела, все выровнено чарами, улучшено, доведено до совершенства. Женщины любили его наперекор здравому смыслу. Он помнил всех: имена, родинки, оттенок глаз, звук шагов. Помнил их запах, мягкость тел и цвет сосков. Его память вмещала так много, но не сохранила имени женщины, которую он любил. Воспоминания стояли тенью за спиной, но стоило обернуться — пропадали. Казалось, он вспомнит!.. Еще мгновение... но — нет.

Как ее звали? Ту, ради которой он опустил руки?

Женщины в его жизни всегда были добычей, развлечением, капризом, но не любимыми. На любовь — бескорыстную, нетребовательную и слепую — Ри был неспособен, а достоинств, за которые он мог полюбить на равных, — не находил. Ни одна женщина в Крае не была равной ему. Но он влюбился. Во что? В кого? Откуда она взялась? Где он нашел ее? Кто нашел ее для него?

Он не помнил.

Ри старался думать о мести. Подробно представлял, что сделает с каждым из Совета Шести.

Они не пошли на него войной, вместо этого долго плели интриги, подкупали, подсылали шпионов. Женщина, чье имя он не помнит, была соучастницей или жертвой? Была ли она?

И вот снова он бьется лбом в запертую дверь. Женщина и ее имя. Почему это короткое слово, такое незначительное, сводит его с ума?

Ри старался не думать о ней. Гнал прочь мысли, но память — изменчивая сука — сама подбрасывала обрывки. Воспоминания были едва уловимыми, неотличимыми от сна. Так что это было? Сон? Явь?

... Ее ладони на его щеках. Они сидят на кровати. В призрачном свете пасмурного дня, в двух шагах от летней грозы, предметы кажутся четче, а цвета ярче. У нее черные волосы,

золотистая кожа и карие глаза. Она держит его лицо ладонями, смотрит в глаза, и могущественному Адриану Гроневальду тяжело дышать от ее близости, от счастья. Страх и восторг сжимают сердце. Ни одно из воспоминаний за всю жизнь не содержит больше этого чувства!

И второе.

...День. Базарная площадь большой деревни. Его привязали к столбу на свежеосооруженном, пахнущем сосновой смолой, деревянном помосте. Ему так больно, что он не может думать и не замечает людей вокруг.

А потом толпа расступается, и Ри видит ее. Уже привязанную к лошадям.

Запах паленой шерсти, испуганно ржут кони и рвутся прочь; палач взмахивает топором, подрезая сухожилия; и ее тело, женщины, которую он любит, рвется на части, как тряпичная кукла... Ри чувствует, что тоже рвется, разбивается, рассыпается, не может дышать, не может думать, не может существовать, и только одна мысль держит его сознание на поверхности, не дает уйти с головой в черную ледяную воду безумия — дыши!..

Темнота? Холод? Унижение? Ничто не трогало и не пугало его отныне. За десять лет плена каждый из Совета успел попробовать на нем пытки. Густав Всеславский ломал руки и ноги. Дариуш Адденс ослеплял и резал. Леонард Ясинский морил голодом. Милена Милевская и Радим Дрегович лишили магии. Йенни Линд забрала память.

Но Ри — выжил.

У него не осталось любимых и друзей, не перед кем сохранять лицо, поэтому Ри покорно делал то, что от него ожидали. Он мочился от страха, плакал, молил о прощении, лизал ноги и целовал руки. У Ри не осталось стыда, не осталось гордости. Единственное, что двигало им, — ненависть и желание выжить. Вопреки всему и наперекор всем.

Лучше бы они убили его! Воспели победу шестерых над одним и оставили потомкам развалины замка!

Победители слишком плохо знали Ри, поэтому верили, что он сдался. Они бросили его в темноте и забыли.

Кай

Кай выжил.

Прошла неделя. Оставалась за спиной долгая северная ночь.

Его держали прикованным в лазарете. Над столом лекаря находился маленький иллюминатор, сквозь который Кай глядел, как тяжелые снежные облака светлеют, из серых становясь белыми.

Цепи едва хватало, чтобы подойти поближе. Кай натягивал ее до предела, прижимался лбом к стеклу. Снаружи все еще стояла зима, но пронизывающий до костей холод отступал. Под килем корабля снежный покров истончался, медленно превращался из покрывала в тонкое кружево, и вот совсем пропал. Пушистая хвоя сосновых лесов уступила место бледно-зеленым молодым листьям. Началась весна, и подлесок всюду тянулся к небу, раскрывая липкие почки.

Пузыри на теле лопнули и постепенно сошли. Кожа, все еще неровная от рубцов, с каждым днем выравнивалась. Жар спал, кашель еще прорезался, но уже без кровавой мокроты. Наперекор ожиданиям лекаря пленник выздоравливал. Потому утром пятого дня его бросили к остальным невольникам.

В трюме, где держали пленников, было сыро, воняло испражнениями и потом. Стекло единственного иллюминатора закрыли снаружи решетками, и внутри царил полумрак. Под стенами валялись набитые соломой мешки, наверняка полные вшей. Кай постарался держаться подальше. У входа стояло два ведра: первое для испражнений, второе для воды.

Дверь за ним закрылась, в замке лязгнул ключ. В трюме стояла тишина. На незнакомца смотрели настороженно и неприветливо. Кай увидел свободное место у стены, сел на пол.

Один из пленников подошел к нему сам. Остановился напротив:

— Я — Морж.

Ему было за пятьдесят. Худой, бородатый и русоволосый. Его усы и правда свисали, как моржовые клыки.

— Ты из какой деревни? Или из Вольной Рати будешь?

— Я не помню, — честно ответил Кай. — Очнулся в горах, побрел куда глаза глядят...

Ему не поверили. Обиженно хмыкнул Морж и отошел. Остальные тоже отодвинулись подальше. Кай не возражал.

Двоих уцелевших воинов в волчьих шубах он узнал не сразу. Шубы у обоих отняли, оружие тоже. Первый — высокий и рыжий — лежал на полу у дальней стены, отвернувшись от всех. Второй — черноволосый, с узкими глазами, словно нарисованными двумя росчерками кисти художника, — сидел у стены напротив и пристально рассматривал Кая. В лечебницу их не приводили, лекарь обошелся перевязками на месте. Левую руку, обмотанную грязными тряпками, чернявый все еще бережно прижимал к груди.

Кай оперся о стену и закрыл глаза, уходя от требовательного злого взгляда. Он казался спящим, но не спал, внимательно прислушивался к шагам, дыханию и тихим перешептываниям людей вокруг.

Прошел почти час, прежде чем они заговорили.

— Этого, гляжу, с того света вернули, — заметил чернявый. — Эй, Юрген! Твой брат жизни лишился из-за этой собаки!

Затем обратился к Моржу:

— Кто он такой? Рассказал?

— Молчит. Врет, что память отшибло.

— Глянуть бы на его кишки. Человек он или перевертыш?

Кай открыл глаза и встретился взглядом с черноволосым. Тот криво усмехнулся и отвернулся.

Он честно пытался не уснуть этой ночью, но мягкое покачивание корабля и слабость после болезни сделали свое дело — он впал в забытие.

Пришел в себя от толчка. Его опрокинули на спину, прижали к лицу мешок, воняющий клопами и гнилой соломой. Двое схватили за руки, еще один сел на ноги. У Кая появилось стойкое ощущение, что он снова в подземном гроте,

что путешествие на летающем корабле ему приснилось и он опять борется с гулями.

На него посыпались удары. По ребрам, по лицу, по животу... Кай напряг тело, собрал все силы и просто терпел. Невольники ослабели за время пути, оттого били вполсилы. Хуже было с мешком на лице: Кай задыхался. Он попробовал сбросить с себя нападавших, да не вышло. Его спас возглас:

— Дайте дорогу!

Его отпустили, и он сорвал с лица проклятый мешок.

Корабль плавно повернул, и луна заглянула в иллюминатор, осветив лица сокамерников. Злые, ухмыляющиеся. Чернявый отодвинул двоих в сторону, пропуская вперед друга — рыжебородого великана.

Люди вокруг жались к стенам, с упоением готовясь наблюдать, как их боец разорвет чужака на куски. Кай тяжело поднялся на ноги, не сводя взгляда с рыжебородого. Тот встал в боевую стойку, выставив вперед левую ногу и повернув туловище. Кай последовал его примеру.

Он не чувствовал страха. Кровь быстрее бежала по венам, и тело наполнилось будоражащим предчувствием боя. В эту минуту Кай точно знал о себе: он рожден для этого, обучен этому, а значит, нужно просто подчиниться вундерленному чутью.

Толпа вокруг расступилась, давая противникам место для драки. Люди прижимались к стенам. Молчали.

Рыжебородый возвышался над Каем на голову, не меньше. Он ударил первым, левой рукой по прямой линии, метя в голову. Кай успел отшатнуться, но тут же получил удар правым кулаком в челюсть. Зубы клацнули, и рот наполнился кровью.

От следующего удара Кай уклонился, нырнул под руку противника, приблизился вплотную и нанес несколько ударов в живот — Рыжий отступил. Молчание нарушил единоголосный вскрик:

— Добей его!

Но Рыжий стоял. После дней заточения он ослабел, и лишь это спасало Кая от молниеносного поражения.

— Добей!

Но Рыжий ждал. Он смотрел Каю в глаза, шурился и ждал.

Кай снова стал в стойку.

Рыжий бил в полную силу. Подвижный, точный в движениях и сильный. Длинные руки и высокий рост давали ему преимущество, и очень быстро лицо Кая превратилось в месиво, в ушах звенело, а боль в ребрах не давала сделать полного вдоха. Но сдаваться он не собирался. Единственная возможность справиться с Рыжим — дождаться, пока тот устанет. И Кай терпел. Он уходил от ударов, сжимал зубы, с трудом раскрывал заплывшие глаза. Он ждал...

Толпа вокруг неистовствовала:

— Убей! Убей! Убей!

— Бей! Бей! Бей!

— У-у-у-у!

На крики прибежали охранники, попытались открыть дверь, но не смогли. Пленники заперли ее изнутри железным ободом с ведра.

Рыжий выдыхался. Он вспотел, его удары теряли силу и резкость, но и Кай едва держался на ногах. Его левый глаз совсем заплыл, правый едва открывался, в голове шумело.

Рыжий попробовал добить северянина чередой резких прямых ударов, но Кай отступал, двигался, уходил за расстояние удара, шатаясь, почти без сил, но уходил. Охранники уже ломали дверь, дико кричала вокруг толпа, и Рыжий ослабил внимание.

Кай собрал остатки сил и вдруг резко ушел от удара вправо. Рыжебородый врезал кулаком в деревянную стену, полетели щепки и кровь. Кай приблизился вплотную и ударил кулаком в голову Рыжего по дуге, снизу вверх, вложив в удар всю силу.

Рыжий упал. Шум стих. Кай выпрямился и опустил руки.

Все тридцать человек смотрели на него.

Дверь выбили, и к ним вбежали моряки с дубинками. Кай опустился на колени, затем завалился на бок и потерял сознание.

Александра

Иван ждал ее у подножья горы, где тропинка разветвлялась, уходя к деревне и к реке. Увидел, бросился навстречу. Александра остановилась. Ждала, пока парень подойдет, молча слушала, пока говорил. Она не могла объяснить глупому, что в произошедшем нет его вины, и прогнать не могла.

— Родители померли три года назад. Остались мы с сестрой. Иванке двенадцатый год. Если сейчас не уберегу ее, то осенью клеймо поставят и в замок на смотрины заберут. Староста сказал, что госпожа новых прислужниц желает набрать, а Иванка у меня красавица. Если не спрячу до осени — быть ей в служанках. Сестра Леслава обещала ее в монастырь забрать, если на суде промолчу. Я не знал, что за суд! Не знал, что она так все повернет!

Юноша смотрел в глаза, краснел от стыда, но не позволял себе отвести взгляда, и Александра не отводила.

Она одна во всем виновата. Ее настигло справедливое наказание богинь, но рассказать об этом нельзя.

— Выходи за меня! Уедем в другую деревню, где тебя не знают, заживем тихо. Не знаю, за что сестра Леслава тебя невзлюбила, да и не важно это. Ни словом, ни взглядом не упрекну!

Как глубока чаша стыда? Долго еще пить из нее? Александра покачала головой. Юноша замолчал.

— Случилось то, что случилось, — сказала бывшая монашка, с трудом размыкая губы. — Правильно сделал, что сестру спас. Я не держу на тебя зла.

Она хотела пройти мимо, но Иван преградил дорогу.

— Куда сейчас?

Она сама не знала, потому промолчала.

— Если хочешь, возьми мою лодку. По реке до границы спокойней добираться. Садись на воз к чумакам. Они парни добрые, до юга довезут. Говорят, в портовых городах люди вольно живут. Может, найдешь себе место или храм...

Не имела она права принимать помощь, но выбора не осталось. Александра кивнула.

Рысь тихо несла воды к морю. Вокруг, то отходя от реки, обнажая желтый песок отмели, то по макушку спускаясь в воду, стоял лес. Русло наполнилось водой из тающих снегов, быстрое течение легко несло лодку, и Александре даже не пришлось грести, лишь направлять.

Она плыла всю ночь. Причалила под утро, вышла на песчаной косе. В полуверсте от берега стоял сосновый лес, человеческих следов на песке не было. Александра разделась и искупалась, смывая со спины кровь и краску. Затем отчалила и плыла, пока луна не поднялась над вершинами деревьев. Причалила в камышах, спала на дне лодки, укрывшись плащом. После полудня продолжила путь.

В долине, на полноводном участке реки, течение замедлилось и Александре пришлось грести, время от времени опуская горящие кисти рук в ледяную воду. Ладони покрылись волдырями, стонала от непривычной работы каждая мышца в теле, но Александра впервые за долгие годы оказалась предоставлена сама себе, и это ощущение, забытое и будоражащее, уводило мысли прочь от печалей тела. Она плыла все дальше и дальше. Время от времени внизу проплывал затопленный лес, но легкая лодка спокойно проходила над ним. Вода все еще была холодной, но днем потеплело, и Александра прогревалась солнцем до самого доньшка. Она снимала плащ, подворачивала длинные рукава рубахи, поднимала подол, подставляя лучам колени, локти и лицо. Дважды видела оленей. Один раз — волков, но те лишь проводили ее равнодушными взглядами.

Она привыкла жить так. Без завтра, без вчера. Одним днем.

В монастыре ее дни были расписаны и подчинены строгому порядку: подъем до рассвета, работа, молитва, сон. Дел в храме всегда много. Летом огороды и скотина. Зимой монахини плели кружева и ткали льняные полотна. Работа не заканчивалась, и не оставалось времени на пустые размышления. Однообразие, когда утром ждешь наступление вечера, а ночь проносится одним мгновением, сжало их в один скучный незаметный день.

И вот теперь, оглядываясь назад, Александра вдруг поняла, что не помнит этих десяти лет, не чувствует их. Напуганная и растерянная, она добровольно позволила жизни остановиться, все эти годы жила спящей царевной из сказки. В ворота монастыря вошла тринадцатилетняя девочка и вышла она же. И что ей делать теперь со своей жизнью?

Александра не знала.

Она могла остаться в какой-нибудь деревне и надеяться, что маги никогда не узнают о ее тайной сути. Ужасна судьба чародейки без опекуна и чар. Маги-алхимики и деревенские знахари используют кровь для эликсиров. А могут посадить в башню и заставить рожать детей для продажи в другие маноры. Попытаться найти другой храм, где боги и люди вновь не заметят, кто она? С алым маком в полспины? Они должны оказаться слепыми... Уйти на север? Там есть вольные земли, северные города, есть надежда укрыться. Только как дойти туда? Чем ближе к северу, тем больше кораблей торговцев невольниками, диких зверей и беглецов, промышляющих разбоем...

Так она и сидела в лодке, опустив руки. Застыла, замерла, затаилась. Нельзя думать о завтрашнем дне, потому что тогда придется признать, что проиграла.

Александра наклонилась над бортом, плеснула в лицо холодной воды.

Если бы она могла остаться навсегда здесь, посреди реки, вдали от людей и магов! Но этот лес, и эта река, и эти берега обманывают своей безлюдностью. Вот-вот закончатся опасные для людей приграничные земли и берега обрастут деревеньками. Она задержала руку в воде, разглядывая собственное отражение.

Может, прыгнуть в воду и пойти ко дну? Если суждено погибнуть, зачем сопротивляться?

Она не могла покончить с собой. Как бы глупо это ни звучало, но Александра верила в богов. Верила, что Милость пустила ее в храм не по ошибке, а значит, в жизни есть смысл, есть защитники и есть цель. Нужно просто идти, а дорогу боги положат под ноги сами. На юг? Пусть будет юг...

К полудню четвертого дня лодка замедлила бег и остановилась перед границей маноров. Рысь сделала крутой поворот и уперлась в стену плотного серого тумана.

От сестры Руты Александра слышала, что так зловеще граница выглядит нарочно, чтобы отпугнуть беглецов. Что нет там на самом деле ничего страшного для неклеяменого человека, но, оказавшись перед ней, — испугалась.

Туман двигался, выгибался, протягивал серые пальцы. Ждал: войдет ли? Кровь наполнилась щекочущим ощущением близкой магии, кровь отлила от лица, и онемели пальцы.

За двадцать три года Александра никогда не пересекала границы маноров. Сначала земли здесь принадлежали ее приемному отцу, затем отошли госпоже Милевской. Прежние границы изменились, господин Адденс отхватил кусок земель госпожи Милевской, и теперь между Александрой и Заречьем стоял туман.

Она перевела дыхание и крепче взялась за весла. Раз выбрала дорогу, глупо отступать. Лодка нехотя вошла в туман, и тот жадно потянулся к Александре. Несколько долгих минут она просто гребла в плотном полумраке, чувствуя, как он, слово большой пес, облизывает ее холодным языком. Онемевшие пальцы не гнулись, свело плечи, а затем туман рассеялся, так же резко, как и появился. Вокруг стоял все тот же яркий весенний день. Лодка, подхваченная быстрым течением, вновь пошла вперед, лишь долго не могло успокоиться сердце.

Заречье — первая из деревень в маноре господина Дариуша Адденса. Александра не была здесь десять лет. Жива ли еще ее названная сестра?

Она вышла на берег выше по течению, умылась, кое-как собрала в косы спутавшиеся волосы, оставила лодку в камышах и пошла по рыбацким тропинкам к деревне.

Дальше Рысь становится полноводной, с сильными течениями и водоворотами: путешествовать по ней в лодке становилось опасно. Потому Александра собиралась попроситься на воз к чумакам-солеторговцам.

Время близилось к полудню. Почти все деревенские работали на полях, по главной улице расхаживали лишь куры. Александра шла по знакомым с детства тропинкам... За десять лет деревня не изменилась, только на окраине появились заколоченные дома. Много домов. После передела земель граница подошла опасно близко, и люди перебирались на юг манора.

Ограда покосилась, старые ворота разобрали на дрова. Несколько лет назад пожар охватил дом, и отстраивать его не стали. Знакомый двор густо порос кустами бузины, молодой полынью, лебедой и репейником. Посредине высился черный курган — остатки пепелища.

— Ты кто такая?

Александра обернулась. Поставив тяжелые ведра на землю и опершись о коромысло, перед ней стояла рослая молодая баба. Большой живот оттягивал рубаху. На сносках, потому и на поле не пошла.

— Я жила здесь прежде...

Баба хмурилась.

— Пелагеи Мухиной сестра, что ль? Так та в монашки ушла...

Александра приподняла края рубахи, показывая священные рисунки на запястьях. Люди сведущие и спину заставили бы показать, да в деревнях людям не до того.

Баба подобрела, улыбнулась:

— Санечка, ты ли? Поди и не помнишь меня? Я из Сокогубовых...

Она неопределенно махнула рукой дальше по улице. Александра смущенно улыбнулась в ответ.

— К сестре?

— Несу послание в южный монастырь. Мимо проезжала и вот...

— Не то время ты выбрала, — покачала головой баба. — Старосте приказано в замок баб молодых гнать. Как бы тебя не сневолил. Он с утра уехал в усадьбу. А ты бы в деревню не заходила, сестрица. В конце выгона есть старый храм — дождись там. Я Пелагее за тебя скажу. Жди.

Поля подходили к деревне вплотную, упирались черной землей в плетеные заборы. Сама деревня пустовала: все, от мала до велика, заняты на посевах. Александра прошла по широкой главной улице, никого не встретив.

Постоялый двор построили на околице. Раньше здесь стояла покосившаяся хата и кабак. Сейчас же выселились несколько крепких деревянных домов, окруженных частоколом. Через распахнутые двустворчатые ворота виднелся двор и распряженные везы. За постоялым двором начинался выгон, по которому бродили несколько телят на веревках. За ним, ближе к лесу, виднелся деревянный шпиль старого храма.

Александра пересекла поле и вошла в храм.

Он походил на покинутый дом. Внутри пыльно, пусто и одиноко. В детстве они играли здесь в прятки, а сейчас даже мыши здесь не живут. Не одной живой души. Боги не заглядывают в такие места. Храм внушал жалость. Кому он принадлежал? Раньше Александра не задавалась этим вопросом, а сейчас и спросить не у кого.

Она прошла мимо стен, стараясь рассмотреть старые рисунки. Краска вспучилась от дождей, изуродовала оспой лики богов — не узнать. На алтаре лежала горсть серой грязной соли. Наверно, сюда иногда заглядывают чумаки-солоторговцы, чтобы пожелать у бога спокойной дороги, значит, храм принадлежал Эолу, покровителю ветров и путешественников.

Она подошла к алтарю, положила на него крошки, что нашла на дне котомки, погладила пыльный камень. Никто не видел ее наивного порыва, поэтому Александра поклонилась стене с облупившейся краской, лицу, которое давно не узнать. Внизу были написаны имена, да давно стерлись. Когда-то в монастырской библиотеке она читала, что на юге его зовут Трамонтана и есть еще одно имя на островах, да уже не помнила. Люди по-разному звали богов и когда-то знали все их имена, но в последние годы редко кто держал в памяти больше одного.

Она села на холм земли у входа, поджала ноги и приготовилась ждать. Отсюда хорошо просматривался постоялый

двор, выгон и дорога, ведущая в деревню. Тревожно было на душе. Сколько она сможет пройти по Краю, прежде чем ее схватят? Где окончится человеческая доброта? Всякие истории слышала она в монастыре. И о добре, и о зле... Сплоченные против угнетателей-магов, люди могли быть добры друг к другу, но если душа черная у человека, то и худшие из чародеев ужаснутся. Слышала Александра о насильниках, о разбойниках, о добровольных мажких прислужниках. Ей чего ожидать?

— Тетенька!

Александра обернулась. Мальчишка пришел со стороны леса, влез в храм через старое окно, потерявшее стекла. Лет одиннадцати, босой, лохматый, в грязной рубашке и штопаных коротких штанах.

— Мамка просила вам еды принести. Собрала немного... Вот...

Ребенок положил ей на колени платок с едой, а сам устроился на подоконнике, готовый сбежать в любую минуту.

В котомке лежал кусок ржаного хлеба и завернутый в тряпицу творог.

— Ты чей? — спросила с улыбкой.

— Пелагеи Мухиной.

Племянник. Александра прислушалась к себе. Названная сестра не была ей близка. Ни по возрасту, ни по крови. Не пришла сама? Имеет право. Может, в обиде, что Александра бросила их? Что не пришла на похороны родителей? Ждать большей доброты, чем этот хлеб, — глупо. А мальчишка славный. Она ела, а мальчик болтал:

— А правда, что на вас не ставят клеймо и вы можете ехать куда хотите? Вы к морю едете? С чумаками? Мамка сказала, чтоб вы к дядьке моему просились. Андрей Мухин. Дядька давно в чумаках. Хороший мужик... В хату вас не зовем, а тут лучше, не страшно. Я с вами побуду, если что — в лес уведу. А как вас звать?

— Александра.

— А меня Тарасом. А сестры у меня: Галя, Марфа и Катруся...

Александра жевала жесткий хлеб и смотрела на мальчика. Тонкий, ершистый, весь в царапинках и пятнышках синяков, как все мальчики его возраста. Волосы русые до плеч, длинная челка так и норовит заглянуть в карие глаза. Весенний ветер коснулся волос мальчика, сдувая челку в сторону, и Александра перестала жевать. На лбу выступали ровные рубцы недавнего ожога — клеймо господина Адденса. Александра сразу узнала вычурную букву «А», обрамленную виноградными листьями.

Мальчик заметил ее взгляд и поспешно пригладил челку, пряча тавро под волосами.

— Сколько тебе лет? — спросила Александра.

— Одиннадцать, — ответил мальчик.

— Разве клеймят так рано?

Он пожал плечами.

— В Масловке, что на той стороне реки, в десять ставят, — он презрительно хмыкнул. — Ходят потом важные. Дескать, их масловские крепче наших кротких, вот им и ставят печать на год раньше. Только врут! — Мальчик оживился, заулыбался во весь рот. — Ох, мы им и наваяли на той неделе! Еле они ноги унесли!..

Она улыбалась, слушая его щебет, но ей было не до смеха. В монастыре Александра не видела детей. Десять лет назад тавро ставили лишь четырнадцатилетним, когда девушки входили в возраст невест. Неужели мир так сильно изменился, что маги клеймят детей?! В десять лет, чтобы матери не успели спрятать их в лесу, и на лбу, чтобы не срезали клеймо!

Она посмотрела на полустертый лик бога на стене.

«Если и вас нет, то как жить дальше?!»

Бог молчал. Ветерок спокойно перебирал волосы Тараса.

Кай

Кай выжил.

Он пришел в себя на полу в узком помещении, отгороженном от остального трюма досками. Здесь было холодно,